

Календарь Триа 19 июля 2017 года, около 15:00.

Сегодня утром на меня было совершено покушение Харрисоном Ганнелом, подчиненным адъютанта барона Десмонда Гейтскела. Сама рана была не страшна, но кинжал, использованный при нападении, был отравлен и поставил его в довольно опасную ситуацию.

Без моих навыков сопротивления яду и агрессивной магии детоксикации, а также целительной магии Лидди он мог бы умереть.

Правда, на этот раз меня застали врасплох.

До нас доходили слухи, что Гаррисон Ганнелл совершал покушение в своей битве против Священного Королевства Луков, но никто даже не знал, какой способ он использовал на самом деле. Прежде всего, его прошлое загадочно. Говорят, что Ганнелл родом из Имперской Столицы, а здесь, в северном королевстве, у него нет знакомых, и никто не знает его прошлого, кроме помощника барона Гейтскела.

Меня настораживает то, что у меня было предположение об Имперском Рыцаре. Сколько бы ни продавали имена магов, было предположение, что их высокая гордость не должна терпеть использование ядовитых и паллиативных средств для покушений в моих масштабах. Если бы мы действовали немного осторожнее, то до сих пор не оказались бы в критической ситуации".

В конце концов, он был доставлен обратно в замок Уэлберн солдатами Второго Рыцарства, патрулировавшими город. Рана на плече была неглубокой, а сам яд полностью исчез примерно через тридцать минут, так что проблем не возникло, но в замок она вернулась в виде мольбы о беспокойстве.

Он доложил обо всем отцу и далее объяснил Лидди и остальным, что стал одержимым, чтобы выманить Гэннела.

Лидди и Беатрис начинают свои проповеди как полымя.

Давно не сидел на переднем сиденье.

Там твердый каменный пол, да еще и в сапогах. Конечно, шла добровольно. Никогда, инстинктивно не шла, опасаясь нас двоих.

Именно Мэл и Шэрон получили больше удовольствия, чем от двух проповедей.

Похоже, он сильно переживал из-за недавней битвы в замке, а когда узнал, что я умираю, они оба залились слезами и умоляли его не делать ничего недобросовестного.

Я опустил голову на пол из сидячего положения и извинился перед всеми в так называемом положении сидения на грязи.

Как я узнал позже, мать сильно отругала моего отца за то, что он сказал, что он такой же, как и я. Обычно она теплая мать, но в такие моменты она страшнее голодного дракона Дракона. В любом случае, это я попросил его остановиться, поэтому он считает, что сделал что-то плохое моему отцу.

Пока я извинялся перед всеми, в ход пошел вождь первых рыцарей барон Брейсфорд.

Рыцарь, посыльный, удивленно посмотрел на меня за то, что я извинялся в непосредственной

близости от землянки. Но как только я увидел его и сделал вид, что не заметил, Ганнелл сделал серьезное признание, и я сказал ему, что хочу, чтобы он пришел с моим отцом в кабинет дяди Брейсфорда.

Я вздохнул с легким облегчением, что мне это помогло. Но Лидди и Беатрис, похоже, заметили, и, даже сбежав по делам и вернувшись, можно не сомневаться, что проповедь начнется снова.

Я подумал, что мне все равно следует встать, несмотря на то, что я был ошеломлен мрачным будущим. Но в спешке я забыла о своей парализованной ноге, и я не могу встать и позволить ему держать мою ногу.

Лидди, все еще сердито глядя на меня, посылает холодный взгляд.

(Нет. Мои ноги парализованы, и я не могу ходить..... Является ли паралич ног хорошим способом восстановления после паралича? Или обычное лекарство сработает лучше?

Чтобы убежать от реальности, я думал о том, что не имеет значения.

Вернувшись ко мне с кашлем Апостола, он поспешил и навесил свою обычную исцеляющую магию, чтобы снять паралич ног. Убедившись, что могу ходить, я отправился в кабинет дяди Пограничника.

в кабинет, но их там было всего трое: дядюшка Бордерлайн, брюхатый барон Олдхэм и барон Брейсфорд, и они даже не были похожи на гражданских, которые должны были сдерживаться рядом с ними.

Первое, что я почувствовал, был горький воздух, наполнявший комнату.

Он захватил Ганнелла и был все таким же болезненным, словно кризис не ушел, хотя завтрашние церемониальные заботы должны были быть сняты.

(Видимо, серьезное признание было для него очень тяжелым. Я вообще не могу себе представить.....).

Когда мы садимся на свои места, барон Брейсфорд медленно открывает рот.

"Содержание исповеди Ганнелла, но я узнал кое-что неожиданное..."

Вождь рыцарей с горьким видом произносит исповедь Ганнелла.

Начинается она с того, что Ганнелл, оказавшись в кругу знати имперской столицы и потеряв семью и людей, рассказывает, что вернулся из Люка в отместку, чтобы служить помощнику барона Гейтскела, и что тот убил его и тех, кто стоит на пути виконта Тизберна из-за процветания Гейтскела.

В рассказе об убийстве Патрика, сына дяди Бордерлайна, вождь рыцарей позволил своему голосу разразиться гневом,

"Если бы такое было... Мастер Патрик... считал это странным для фанатиков Люка. Патрик, который был таким энергичным, внезапно заболел..."

Командир рыцарей не смог продолжить свои слова дальше.

Барон Олдхэм подхватил историю и рассказал, в чем заключалась исповедь Ганнелла.

Рассказ об исповеди Ганнелла заканчивается.

Никто не открывает рта, и в зале воцаряется тишина.

Я тоже узнал факты, которых совсем не ожидал, и потерял слово. Мой отец, находящийся рядом со мной, так же не может открыть рот с ошеломленным видом.

(Святые Королевства Люка - более неприятный противник, чем я думал...)

Таково было мое первое впечатление, когда я закончил слушать.

Эта история с Ганнеллом может быть просто совпадением. Но это правда, что мы замысливаем подрыв Империи уже почти десять лет. Нет сомнений, что мы засылаем множество агентов только в пределах Империи, включая, по крайней мере, Имперскую столицу.

На самом деле, Аураф Оулетт, который называет купца Ауреллы, говорит, что он регистрировался в коммерческой гильдии в течение десятилетий, и, похоже, знаком с обстоятельствами Имперской армии.

Знание отношений с наркотиками также представляло бы угрозу.

Кровавые наркотики Бога Света (Люцидуса), яд, который ты использовал, когда напал на меня, два вида наркотиков, которые ты использовал, когда убил Патрика... все они определенно ужасные наркотики. Я не знаю, насколько они ограничены, но их трудно предотвратить, когда они используются для терроризма, подобного этому.

Пока я размышлял об этом, дядя Хьюберт Расвелл, который слушал с тонким взглядом, медленно заговорил.

"Мы должны дать Люку ту награду, которую он заслуживает. Мы не можем отрицать все убийства и заговоры, но мы должны быть уверены, что они не попадут нам в руки."

Вот что я сказал невообразимо холодным тоном теплого пограничного дядюшки.

Услышите это слово, и что-то холодное пробежит по вашему позвоночнику. И хотя была середина лета, мне было зябко, словно моя кожа была маковой.

И барон Олдхэм, и барон Брейсфорд кивнули на слова дяди Пограничного, и комната окуталась холодом, подобным холодному воздуху.

"Вот оно что. Я хочу позаимствовать мудрость сэра Захариаса. Конечно, нет".

Дядя Бордерлайн уставился на меня неподвижным взглядом и заговорил критическим голосом, который достиг его уха.

Когда я уже был готов опьянеть от атмосферы этого места, я сказал своим голосом: "Что ни мудрость, то сила...", так что я был на высоте.

"Господин может переместить Гильдию кузнецов. Используйте гномов для давления на страны".

"Это давление..."

"Правильно. Оказать давление на Люка, чтобы он объявил войну. Если мы не будем сотрудничать, нужно подтянуть гномов. Коммерческие гильдии должны будут сотрудничать с нами в этом деле. Если гильдия кузнецов и коммерческая гильдия зашевелятся, то и Лаксу, и Сартоту придется зашевелиться. И, конечно, Каум".

Дядюшка Бордерлайн угрожает странам через Гильдию кузнецов, перемещая Объединенное королевство Лакс Сартус и Королевство Каум, которые защищают свой нейтралитет, а также обращаясь к Торговой гильдии, чтобы добавить в осадную сеть каждый город, входящий в Союз городских государств.

Если дядя Бордерлайн прав, Люк настроит весь мир против своих врагов, и тот сразу же рухнет.

(Дядюшка Бордерлайн, кажется, совершенно перевернулся с ног на голову, когда узнал, что его убил человек. Если вы подумаете спокойно, то скоро поймете, что это далеко за пределами полномочий губернатора Севера... даже барон Олдхэм, как Брейк, понимает это... Я не желаю сотрудничать, но как я могу его убедить...)

Честно говоря, я не собираюсь одобрять идею Пограничных Колоколов. У меня даже пыли нет, чтобы использовать гномов как инструмент политики.

Но я сомневался, стоит ли упоминать об этом в такой атмосфере. Из атмосферы, которую они окутывали, казалось, что они объявляют все, с чем не согласны, своим врагом.

Выразить здравое мнение и изучить их реакцию.

"Как вы объясните это Имперской Столице? Хотя я считаю, что такие дипломатические вопросы выходят за рамки полномочий Канцелярии северного губернатора?"

Дядя Бордерлайн не ответил на мой вопрос. Вместо него заговорил командир рыцарей.

"Сэр велит вам оставить Люка в покое! Они не только обманули Божье имя, но и использовали такие мерзкие средства, как убийства! Если мы оставим это в покое, они продолжат использовать подлые средства. Мы не можем оставить это без внимания!"

К моей голове совсем прилила кровь, и я не могу спокойно принять решение.

"Я тоже считаю, что Люка не стоит оставлять одного".

Дядя Бордерлайн отвечает на мои слова: "Если так, может, ты мне поможешь?"

Я качаю головой, отвечая "нет".

"Почему! Сэр, если вы не будете сотрудничать, вы не сможете раздавить их, фанатиков!"

И я перевел взгляд на отца,

"Лорд Масаяс! Сэр поймет! Семья Локхарт связывает нас с семьей Расвелл."

Тогда пусть Нон отомстит за моего сына..."

Мне было все равно, как ответил отец. В принципе, он не умел говорить о политике и дипломатии, и боялся, что он может фыркнуть на слова дяди Бордерлайна.

Но мой отец колебался, но не качал вертикально головой.

"По мне, если это то, что может сделать моя семья Локхарт, позвольте мне помочь вам, даже если это будет катастрофа. В битву с Люком я с радостью пойду, если мне прикажут идти к мертвым..."

Дядя Бордерлайн на мгновение заставляет свое выражение лица заблестеть в словах.

"....., но я просто не могу согласиться использовать кузнецов".

Дядя Бордерлайн лучше всех сказал "почему", удивляясь, что ответ его отца был неожиданным.

"Кузнецы и моя семья Локхарт не являются ни подчиненными, ни союзниками. Это просто узы дружбы. На этот раз меры его превосходительства направлены на то, чтобы разжечь битву" Кудоса "через личные обиды. Нельзя вовлекать" друзей "в битву без причины".

Мой отец несколько не испугался решительного взгляда Пограничного Дяди и Командира Рыцарей и сказал.

"Господин сказал, что это личная обида, но он передал убийцу имперскому сановнику. Если это возмездие, то оно не личное".

Мой отец снова покачал головой на слова дяди Пограничника.

"Доказательства основаны только на показаниях Ганнела. Я должен сказать, что это мое личное дело - верить в это и мстить".

В поддержку отца я прерываю разговор, говоря: "У меня та же мысль, что и у отца".

"Ваше превосходительство, должно быть, тоже видели это на днях. Я не могу втянуть этих простых гномов в такой заговор".

Мы с отцом молчим.

"Но ты не можешь оставить Люка в покое. Я не буду отрицать заговор, если это заговор, на битве" Саботаж, "но ты должен научить их получать по заслугам."

Барон Брейсфорд сказал: "Какую награду вы собираетесь мне дать?" и произнес.

"Святое королевство Люка, нет, мы собираемся преподать урок лидерам Светлого божества.

Если мы сделаем это, то светлая божественность, которую вы пытаетесь распространять, - это учение, в которое не стоит верить, и последователи светлой божественности исчезнут со всего мира..."

Дядя Бордерлайн спросил "Что именно ты собираешься делать?" и проявил интерес.

Я объяснил свои мысли.

Сделайте этот факт достоянием широкой общественности.

Пусть Харрисон Ганнелл, душеприказчик, публично засвидетельствует, как Люк часто убивает ядом и пытается устранить не только Империю, но и тех, кто будет им во вред. И это при том, что Ганнелл - последователь Светлого божества и оперативник, внедренный от Люка.

Люк создает Церковь Светлой Божественности в каждой стране, чтобы сделать ее центром деятельности для саботажа. Сейчас он кормит бедных и так далее, помогая слабым, но вскоре попытается подмешать наркотики и поработить их. На самом деле, рабы, отправленные на территорию виконта Тайсберна, были бедняками в стране Люка, большинство из которых были больными наркоманией от "крови Бога Света (Люцида)". Они - наркозависимые цитатники, посланные на вражескую территорию. Фототеистические религии даже выбрасывают своих собственных последователей. То есть, если вы принимаете их, заставьте их свидетельствовать, что то же самое происходит повсюду.

Это в основном правда, что заставляет Ганнела свидетельствовать. Хотя это неправда, что сам Ганнелл не является оперативником Люка, что все чиновники Светлой Теократии могут быть оперативниками, все это правда по другим пунктам. Легко задаться вопросом, была бы вся эта история правдивой, если бы в ней была хотя бы часть правды. Особенно для тех, кто с горечью относится к светлотеизму, эта история была бы достаточно глубокой.

Но до такой степени Лука не доходит.

Он решает игнорировать подобную клевету со стороны вражеских стран. Но можно нанести ущерб "Святому царскому дворцу" Луки, нанеся удар другой рукой.

Пусть весь мир поймет, что все заговоры "Дворца святого короля" закончились провалом.

Дядя Бордерлайн слушал меня и вновь обретал спокойствие.

И вы сказали мне, что у вас есть сомнения в двух аспектах.

"...Один - в том, что Ганнелл честно спрашивает, последует ли он за ним. Другой - как доказать, что ты потерпел неудачу, не зная всего масштаба маневра Святого Короля. В частности, некоторые из заговоров Дворца Святого Короля оказались успешными. Убийство Патрика определенно нарушило работу северной части Империи".

Я мелко киваю и говорю: "Я не знаю, есть ли у вас какие-то опасения".

"Есть возможность поработать над этими двумя пунктами. Но для этого потребуется ваше решение".

Дядя Бордерлайн тихо сказал: "Конкретно?", - спросил он.

Я сказал это спокойным голосом, когда работал.

"Я объявляю Его Высочество виконта Констанцию Тизберн и помощника барона Десмонда Гейтскела невиновными".

"Вы считаете, что Констанс и Гейтскел невиновны? Те, кто привел нас к семье Локхарт, включая сэра. По меркам сэра, я публично заявляю, что являюсь жертвой Люка, но факты говорят о другом. Вам это известно, сэр?"

Я фыркнул, но это был вопрос предположения, поэтому я тут же выдаю свои мысли.

"Конечно, это правда. Но кем бы ни был виконт Тизберн, адъютант барона Гейтскеля тоже не пытался свергнуть его с самого начала. Только в результате того, что поддался на шантаж агента Люка Оулетта. При условии оправдания адъюнк-барона, Гэннел должен честно вступить на борт наших мер..."

Отменив распоряжение виконта Тизберна, я оправдаю адъюнк-барона Гейтскеля в его грехах.

Виконт Тизберн лишился поддержки в этом деле, и отозвать его распоряжение не составит труда. Никто в стране не будет сотрудничать, даже если виконт попытается что-то предпринять, только потому, что, похоже, его намерена снова использовать вражеская нация Луков.

Гейтскелл, но этот объявляет, что его будут активно использовать в управлении северного губернатора после того, как не допросят о грехах.

Это не противоестественная история, если вы не знаете правды, потому что вы изначально компетентный чиновник и считаетесь одним из лучших в империи, если у вас есть опыт.

Что будет, если их передать лидерам Светлого Бога?

Вы должны понимать, что мера по внесению смуты в северное царство империи не просто провалилась. Если смотреть только на результаты, то факт остается фактом: домашние беспорядки в пограничном доме Лэдсвелл не только сошлись ни с чем, но и развили беднейшую территорию виконта Тизберна в северном регионе. Империя преуспее в продвижении обедневших территорий без использования собственных средств.

Если это все, то все равно хорошо.

Это будет финансовый ущерб, потому что Аурелия будет выражать анти-Люка в этой неудаче. Это означает, что средства приобретения иностранной валюты для Луки исчезли.

Кроме того, большая огласка, которую получило употребление подозрительных препаратов, несомненно, мешает и миссионерской деятельности фототеизма. Другими словами, ущерб не только экономический, но и политический.

Лидеры фототеизма будут в ярости от такого результата, потому что они видят только поверхностные места. Другими словами, в Луке углубляется неизбежность Священного королевского дворца и церковной штаб-квартиры.

В этой неудаче виноват Святой Царский Дворец. Это прекрасная возможность для Штаба Ордена, который был ослаблен неудачей в королевстве Каум - что вызвало проблемы с Гильдией Кузнецов и гномы кузнецы покинули страну Луков - и нет сомнений, что внутри Луков возникнет путаница.

Чтобы свести это замешательство к минимуму, верхние эшелоны Дворца Святого Короля должны позволить исполнителям взять на себя ответственность за этот провал. Естественно, Оулетт также будет подлежать утилизации.

Если вы скажете ему, что Гейтскелл может быть избавлен от затруднительного положения, будет ли Ганелл следовать этому курсу действий, он вскоре станет верным. Вы можете научить Оулетта, что в случае успеха он может нанести ответный удар. Он считает, что помощник барона находится в затруднительном положении из-за Улета, с которым он сам сцепился,

поэтому он обязан дать показания, как говорит этот.

Когда я объясняю ему это, дядя Пограничный бросает на меня горький взгляд.

"Я, конечно, могу заставить Люка надуть пузырь. Но ты не можешь убить Оулетта, который сделал Патрика покойником..."

Барон Брейсфорд высказывается прежде, чем я отвечаю.

"Меры сэра не ошибочны. Но Четвертый батальон был убит мерами Гейтскелла! Несмотря на то, что Люк охотился за нами, восстание в замке было его собственной инициативой и причиной! Я никак не могу одобрить это, например, игнорировать!

Эмоционально я понимаю, что пытается сказать командир рыцарей. Но я осмелился возразить решительным тоном.

"Так вы говорите мне использовать гномов, согласно мерам Его Превосходительства Губернатора! Значит, когда мертвый рыцарь или солдат убежден, вы так считаете!

Вождя рыцарей тоже не убедила мера использования гномов, он не стал спорить, просто уставившись на меня.

"Это битва. Но это всего лишь война между Империей и Святым Королем Люком. Позволено ли нам будет привлечь к этой войне тех, кто не имеет к ней никакого отношения?

Я смотрю на выражение их лиц, когда спрашиваю об этом пограничных начальников. Прежние хладнокровные выражения исчезают и становятся слегка расстроенными.

Я подтверждаю это и продолжаю убеждать дальше.

"... это еще не все. Семья Расвелл может быть раздавлена. Вы думаете, этого хотят умершие?

На мои слова наступает тишина. Пограничный дядя нарушает это молчание.

"Это правда... мне казалось, что у меня на голове кровь из-за Патрика. Ни Патрик, ни храбрецы четвертого батальона не захотят тебе мстить, пока ты не принесешь в жертву мою семью Расвелл..."

И барону Брейсфорду,

"

Я также знаю, что чувствует сэр. Рыцари будут чувствовать то же самое. Я не говорю тебе убеждать сэра Захариаса в его мерах. Я бы даже не велел тебе бесечно общаться с Констанцией или Гейтскеллом..."

И я склонил голову,

"Но на этот раз это будет мера сэра Захариаса. Понравится ли вам это?"

Барон Брейсфорд поспешно сказал: "Пожалуйста, поднимите голову".

"По крайней мере, у меня нет эмоций. Но нет лучшего способа, чем придумать лучшую идею".

Барон Олдхэм также кивнул,

"Вы в долгу перед сэром Захариасом. Возможно, мы послужили нашим врагам только с кровью на голове".

Дядя Бордерлайн кивает со спокойным выражением лица и снова поворачивается ко мне.

"Я хотел бы попросить сэра убедить Гейтскелла и Ганнелла. Мы не сможем успокоить их с открытыми глазами. Беда, может, ты попросишь меня? Разумеется, я вверю все полномочия господину".

Я кивнул: "Хорошо. Я постараюсь как-нибудь убедить тебя", - ответил он.

На этот раз я убедил пограничное начальство ответить рационально. Но если я буду думать о них, а не о себе, то не думаю, что смогу справиться с ними рационально.

Если бы они причинили вред моей семье или моим людям по необоснованным причинам... если бы Лидди и остальные были убиты, то я, несомненно, использовал бы все возможные средства, чтобы отомстить за них.

Не только использовал бы все мои подачки для охоты на сильных мира сего, но и заколол бы остановку своими собственными руками. Будь ты император империи Каэрм, считающейся самой могущественной в мире, или демонический король в конце Аквилонских гор - Великих гор Востока - используй все средства для возмездия.

В связи с этим я могу сказать, что эмоционально я близок к барону Брейсфорду.

(На самом деле, если это произойдет, я не уверен, что смогу сдержать себя. Если мы наилучшим образом используем наши знания и магию в предыдущей жизни, которые мы сейчас запечатали, примитивное ядерное оружие... изготовление урановых бомб - не такая уж сложная история. Металлическая магия позволяет легко добывать уран, и я действительно добывал его. Выделение и обогащение урана 235 займет некоторое время...

если детонатор также использует магию...)

Когда я так много думаю об этом, я понимаю, что опередил время. И мне льстит то, о чем я подумал.

(Мои мысли кажутся радикальными, потому что я обладаю обманчивой силой. Об этом нельзя даже думать... но на этот раз речь идет не о других людях. Нужно быть осторожным, чтобы не оказаться втянутым в заговор. Во время этого визита в Уэлберн я продолжал участвовать в заговорах. Хотя вы не можете контролировать все, если уделить немного больше внимания, некоторые следовало бы предотвратить раньше...)

С такими мыслями я направился в комнату, где находился Гаррисон Гэннелл.

<http://tl.rulate.ru/book/51275/2519432>